

ЧТО НАМ НЕСЕТ ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ, ВСЕСОКРУШАЮЩАЯ И ХРУПКАЯ

Автор: Л. Г. БЫЗОВ

(Рецензия на книгу: Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011)

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич - кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института комплексных социальных исследований РАН (E-mail: leontiy13@mail.ru).

В последнее столетие, и чем дальше, тем сильнее, образ будущего становится все более устрашающим, грозным, непредсказуемым. Осталась позади эпоха торжества идеологии "просперити" с ее культом технического и социального прогресса, все меньше желающих пробовать свои силы в жанре "социальных утопий" как научных, так и фантастических, а еще недавно популярные теории о "конце цивилизации" в связи с достижением цивилизационного идеала (Ф. Фукуяма) сегодня вызывают скорее улыбку.

Люди, независимо от страны проживания, живут сегодняшним днем, гоня от себя мысли - что будет даже не через сотню лет, а через два-три десятилетия. Ведь всё это будет так нескоро, думают они, а история тем временем все более ускоряет свой бег. Даже в нынешней, "неозастойной" России с ее чертами феодальной архаики в политическом и социальном укладе, перемены, связанные с новыми информационными технологиями, новыми формами общения, произошедшие только за последнее десятилетие, поражают воображение.

Книга ныне здравствующего английского классика социологии, написанная двадцать лет назад, и впервые переведенная на русский язык, не то что устарела, но явно написана не сегодня, акцентируя иной раз внимание на тех чертах современности, которые скорее характерны для века минувшего, чем наступившего¹. Та "современность", которая по Э. Гидденсу "означает способы социальной жизни или организации, которые возникли в Европе, начиная примерно с XVII века и далее, и влияние которых в дальнейшем более или менее охватило весь мир", уже во многом позади - мир вступает в эпоху постсовременности, если так можно выразиться, и все больше видится симптомов того, что эта фаза может стать заключительной, если и не для человечества как биологической популяции, то для нынешней цивилизации. Те черты современности, на которые указывает Гидденс как на основные, сами по себе не содержат в себе ничего предвещающего катастрофу, а из дня сегодняшнего кажутся даже немного банальными и слегка вторичными. Уже как общее место воспринимается то, что "мы движемся от системы, основанной на производстве матери-

¹ Размышления о книге Энтони Гидденса "Последствия современности" (Giddens, Anthony (1990) The Consequences of Modernity. В русском переводе издана в 2011 г. издательством "Праксис" при участии ВЦИОМ в рамках серии "Образ общества".

альных благ, к системе, в большей степени ориентированной на информацию", что, впрочем, не объясняет причины того, что скорее "постматериальная" экономика США и Европы более подвержена кризисным явлениям, чем экономика "азиатских тигров", производящая материальные ценности. Согласно Гидденсу, современность определяется четырьмя институциональными комплексами: капитализм, индустриализм, "основанный на использовании неживых источников энергии и машинной технологии", национальное государство, "осуществляющее координированный контроль над территорией в рамках своих национальных границ", а также контроль над средствами насилия. Отражают ли эти институциональные комплексы суть постсовременности -уже нынешнего века?

Социально-политический строй, который мы сегодня наблюдаем в большинстве стран мира, относящихся к категории "развитых", уже как-то не очень удобно называть капитализмом, настолько он не похож на то, что некогда описывал не только Маркс, но и Кейнс. По крайней мере, такая характерная черта капитализма как "отделение экономической сферы жизнедеятельности общества от политической в условиях господства рыночной конкуренции", безусловно, неприменима к сегодняшним мировым реалиям, где влияние политики на собственно экономические процессы становится все более очевидным. Завершается и собственно индустриальная эпоха, при которой материальное производство составляло стержень национальных экономик. Что же касается системы национальных государств, то все более отчетливо проявляется их роль как переходной государственной формы от традиционного типа общества, основанного на автономных общинах и неформальном типе социальных отношений, к современному, в том числе постиндустриальному.

Национальное государство позволяет избежать социального распада в этот период, выработать посттрадиционные государственные и общественные институты, нормы обязательного для всех права, то есть создать институциональную и правовую среду. Однако, как показывает современное развитие, в дальнейшем оно начинает подвергаться эрозии, хотя этот процесс, как в Европейском Союзе в нынешнее время, происходит противоречиво, сопровождается постоянными откатами и кризисами. Сегодня становится понятным, что глобализация, иногда трактуемая как некое "политическое пугало", является процессом, противостоящим формированию системы национальных государств. Наконец, в отличие от описываемой Гидденсом эпохи, сегодня все с большей натяжкой можно говорить о том, что современное западное общество, сочетание факторов, его определяющих, "делает невозможным противостояние незападного мира экспансии Запада", более того, связывать процессы глобализации именно и исключительно с экспансией западной социально-политической системы.

Больше поводов для размышлений о природе глобализации дают рассуждения Гидденса о процессе "растягивания пространства и времени". Действительно, в современном глобальном мире, наверное, главное - это даже не тип социально-политического строя или государственного устройства. Все это важно, но не первично. Гораздо существеннее то, что она "обладает потрясающей сокрушительной силой и беспрецедентным динамизмом", она всепроникающая и не оставляет людям выбора, превращается в силу, над которой человечество не властно и вынуждено ей служить. Эта всепоглощающая сила, меняющая облики народов и континентов, и одновременно, невероятно хрупкая, уязвимая. Конечно, пишет Гидденс, идея о том, что человеческая история отмечена определенным рода "разрывами" и не образует единого процесса ничем не стесненного развития, не нова, но формы жизни, созданные современностью, оторвали нас от *всех* традиционных типов социального порядка и сделали это способом, не имеющим исторических прецедентов. По своему масштабу и глубине они превосходят почти все типы социальных изменений, характерные для предыдущих эпох. Малозначимые события, происходящие в отдельных точках планеты, способны вызывать "эффект домино", как это и видно на совсем уже недавних событиях - финансовых кризисах последних трех лет. Мировые процессы в результате глобализации

становятся крайне неустойчивыми, лишены того запаса прочности, который был до наступления эпохи постсовременности заложен множественностью цивилизационных путей, где гибель одной цивилизации оставляла шансы на продолжение развития альтернативных цивилизаций, подобно разнообразию видов и форм в живой природе. Сегодня большой популярностью пользуется пришедшее из математики понятие "фрактальности", бесконечного разнообразия в бесконечном повторении. Вероятно, именно утрата социально-культурной фрактальности, постепенно происходившая на рубеже завершения традиционной культуры, по сути, и предопределила основные черты современности, или, как пишет Э. Гидденс, "последствий современности".

Резкое, необратимое нарушение равновесия между социальным бытием, прогрессом, с одной стороны, и природой, в том числе биологической природой человека, с законами эволюции, привело и к фантастическому ускорению технического прогресса, и к неспособности человека как биологического существа, справиться с его последствиями, с другой, провело рубеж эпох, наделив современность просто какими-то апокалиптическими чертами. Действительно, в большинстве культур, предшествовавших современности, даже в больших цивилизациях, люди в основном рассматривали себя в неразрывной взаимосвязи с природой. Их жизни зависели от причуд и капризов природы - доступности естественных источников средств к существованию, процветания зерновых и изобилия пастбищных животных или их отсутствия, влияния стихийных бедствий. Современная промышленность, сформировавшаяся в результате союза науки и технологии, преобразует мир природы способами, недоступными воображению предшествующих поколений. Замечание Леви-Стросса об "обратимом времени" является центральным для понимания темпоральности традиционных верований и деятельности. Обратимое время является темпоральностью повторения и управляется логикой повторения - прошлое является способом организации будущего. С утратой темпоральности, социальной обратимости времени время не просто растянулось, как выражается Гидденс, оно стало сингулярным, возникло ощущение неминуемого предела, перейти который будет практически невозможно, гибели, заложенной в самом отходе от фрактального типа эволюции, и которая может носить характер технологической, экологической или демографической катастрофы. А современное человечество все больше начинает походить на поезд, несущийся в пропасть, выскочить из которого не может уже ни один народ, ни одна цивилизация. Ведь уже на нашем историческом веку оказались закрытыми все цивилизационные проекты, альтернативные даже не то что капитализму (слишком мелкое и невыразительное определение современной экономической составляющей глобализма), а тому типу общества, благополучие которого держится на непрерывной гонке массового потребления, и даже небольшой сбой в этой гонке - типа замедления темпов ипотечного кредитования в некоторых американских штатах - вызывают катастрофические судороги в экономиках всего мира. "Крути педалями все быстрее, даже не остановка, а небольшое замедление - и неминуемое падение", - бросая в топку этой гонки последние остатки природных и культурных ресурсов. Почему ни к чему не привели поиски "третьего пути", на которые возлагалось столько надежд во второй половине XX века? Если обосновывая необходимость поисков "третьего пути", Гидденс говорил лишь о преодолении традиционного деления политического поля на правый и левый фланги, об укреплении отношений социальной солидарности как на уровне классов, так и на уровне семейной и интимной жизни, что нас скорее отсылает к марксистской и постмарксистской социальной мысли, то сегодня речь идет о гораздо более фундаментальных вещах - поисках новой точки равновесия между техническими, социокультурными и природными процессами. Но вот минуло и первое десятилетие XXI века, а никаких прорывов не только не видно, но и происходит явное сворачивание, естественное или насильственное, всех возможных социальных альтернатив современной глобальной потребительской цивилизации, и сингулярным пределам, лимитирующим этот общий "бег в никуда". Мне неизвестны серьезные работы, которые бы давали попытки не описательного, а фундаментального объяснения

процесса перехода от фрактального развития цивилизации к сингулярному. Заложен ли этот переход в самой эволюционной программе человечества или является своего рода патологией, привнесенной в наше бытие вопреки законам эволюции?

Повторяю, сам Гидденс не ставит этих "проклятых" вопросов, он как бы находится лишь на дальних подступах к ним. В своей работе, и это, вероятно, ее самый большой недостаток, он вообще старается избегать рассуждений в культурологической плоскости, которая на поверку при анализе фундаментальных противоречий современности и постсовременности, бесспорно, выходит на первое место. Современность не есть особый социально-экономический уклад, это есть состояние общества, его культуры, его ментальности, устройства основных его несущих систем. Правда Гидденс пишет, что *"утрата смысла жизни оказывается важнейшей отличительной чертой психологического климата поздней современности. Происходит подавление базисных моральных и экзистенциальных компонентов человеческой жизни, которые, по сути дела, вытесняются на ее обочину"*. А наступление поздней современности означает "конец природы" и "конец традиции" в том смысле, что естественный мир, чем дальше, тем больше утрачивает внешний по отношению к человеку и обществу характер и из "естественного" превращается в "созданный" наукой и техникой, а традиция перестает быть главным нормативным регулятором социальной жизни. В традиционных культурах прошлое находится в почете, и ценность символов состоит в том, что они вбирают и увековечивают опыт поколений. Разрыв с прошлым, потеря непрерывности цивилизационного развития и оборачиваются именно той самой утратой смысла жизни, что, кстати говоря, в сегодняшней России постепенно становится самой серьезной проблемой, более значимой, чем бедность или экономическая отсталость. Не случайно мы наблюдаем сегодня такую актуализацию фактора национальной идентичности, которая, реально или иллюзорно, пожалуй, и в состоянии породить какие-то общности или идентичности, выводящие потерянного и находящегося в конфликте с самим собой человека, из его локального и экзистенциально бессмысленного существования. В отдельных разделах своей книги Гидденс постепенно сам "выруливает" на проблему кризиса идентичности, как характерной черты наступившей современности. Как он отмечает, "радикализация современности настолько выбивает из колеи и имеет такое большое значение. Наиболее заметные ее черты - *распад эволюционизма, исчезновение телеологии в истории, признание всепроникающей, имеющей определяющий характер рефлексивности* - вводят нас в мир нового, выводящего из равновесия опыта". Не случайно в этой связи Гидденс изображает позднюю современность как нерелигиозную, исключительно секулярную эпоху. Для нее характерно возрастание чувства индивидуальности, которым сопровождалась историческая эволюция западных обществ, разделение и обособление людей друг от друга, требующих от них все возрастающей степени контролировать свои чувства и эмоции и держать личную дистанцию по отношению к другим людям. Будет ли мир постсовременности включать возрождение некоторой формы религии или чего-то другого, об этом сложно говорить. Однако, если у постсовременности и есть будущее, то, очевидно, оно может быть связано только с тем, что снова будет иметь место обновленная устойчивость определенных аспектов жизни, напоминающая некоторые признаки традиции. Именно поиски этой "новой устойчивости", если она еще возможна, и должно стимулировать чтение таких книг как "Последствия современности", в которой, конечно, мы не найдем никаких готовых ответов на "проклятые вопросы" XXI века.